

С.Н. Булгаков

**Религия человекобожества у
Л. Фейербаха**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
С11

С11 **С.Н. Булгаков**
Религия человекобожества у Л. Фейербаха / С.Н. Булгаков – М.: Книга
по Требованию, 2017. – 84 с.

ISBN 978-5-458-55736-8

ISBN 978-5-458-55736-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Религія челоѣкобожества

у

Л. Фейербаха.

I.

Недавно (въ 1904 году) праздновалось столѣтіе со дня рожденія замѣчательнаго мыслителя, который, хотя провелъ большую часть своей сознательной жизни въ деревенскомъ отшельничествѣ, не измѣнивъ ему даже въ революціонный 1848 годъ, однако, своими философскими идеями оказалъ глубокое вліяніе на своихъ современниковъ, не изжитое еще и до сихъ поръ. И, по-настоящему, въ ряду именъ, выражающихъ собой духовный обликъ XIX вѣка, наравнѣ съ именами Гегеля и Дарвина, Маркса и Ог. Конта, Спенсера и Милля, слѣдуетъ поставить и малоизвѣстное сравнительно имя брукбергскаго отшельника—Людвига Фейербаха.

Но если живы до сихъ поръ идеи Фейербаха, котораго по справедливости можно причислить въ разрядъ духовныхъ вождей современнаго человѣчества, то имя его находится въ незаслуженномъ небреженіи и забвеніи. Исполнившійся столѣтній юбилей также не принесъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно незначительныхъ, газетныхъ замѣтокъ. Можно указать на одно только исключеніе. Въ настоящее время выходитъ—трудами Іудля и Болина, двухъ современныхъ фейербахіанцевъ—новое, дополненное изданіе сочиненій Фейербаха и вышло, кромѣ того, въ серіи „Fromann's Klassiker der Philosophie“ работа о Фейербахѣ, принадлежащая перу того же Іудля (выстѣ съ монографіями Старке и Болина почти исчерпывающая скудную лите-

ратуру о немъ). Будучи рѣшительнымъ и принципиальнымъ противникомъ міровоззрѣнія Фейербаха въ самыхъ его основахъ, я, однако, особенно желалъ бы привлечь вниманіе читателя къ его идеямъ и къ его сочиненіямъ, ибо, благодаря ихъ огромнымъ достоинствамъ, въ числѣ которыхъ на первое мѣсто слѣдуетъ поставить философскій радикализмъ и откровенную прямолинейность Фейербаха, въ нихъ съ неотразимой энергіей ставятся основные вопросы о высшихъ и послѣднихъ человѣческихъ цѣнностяхъ, столь часто отодвигаемые на задній планъ. Фейербахъ принадлежитъ къ числу такихъ мыслителей, которые въ высокой степени содѣйствуютъ сознательному самоопредѣленію человѣка въ ту или другую сторону, онъ представляетъ собой какъ бы философское распутье, изъ котораго рѣзко расходятся дороги въ противоположныя стороны, и полезно каждому, прежде чѣмъ окончательно вступить на извилистыя тропинки, углубляющіяся въ дебри, прійти къ этому распутью, откуда видно исходное различіе путей. Таково общее значеніе философіи Л. Фейербаха для нашего времени.

Понять, почему Фейербахъ такъ мало пользуется вниманіемъ со стороны представителей современной философской мысли, въ особенности нѣмецкой школьной философіи ¹⁾, весьма нетрудно. Это объясняется больше всего тѣмъ, что онъ слишкомъ на нихъ не похожъ, что шероховатый, дерзкій, даже революціонный писатель черезчуръ отличается отъ солидныхъ и чинныхъ представителей „научной“ критической философіи, шокирующихъ воинствующимъ и страстнымъ атеизмомъ Фейербаха, но не желающихъ усмотрѣть и оцѣнить въ немъ подлинно-человѣческихъ мотивовъ и настоящихъ человѣческихъ страданій. Пришла уже мода на Ницше, но не дошла еще, а, можетъ-быть, и не дойдетъ очередь до Фейер-

¹⁾ Даже въ специальномъ трактатѣ по исторіи философіи религіи проф. О. Пфлейдерера посвящено Фейербаху лишь нѣсколько совершенно безцвѣтныхъ страницъ. Prof. Otto Pfeiderer. Geschichte der Religionsphilosophie von Spinoza bis auf die Gegenwart. Dritte Ausgabe. Berlin, 1893, стр. 447—454.

баха. Основная и коренная причина этого холодного равнодушія къ Фейербаху (долгое время препятствовавшая тому, чтобы разглядѣть и Ницше) состоитъ въ томъ, что философія для Фейербаха не есть дѣло школы и школьной специальности, какъ для многихъ специалистовъ по философіи, но дѣло жизни. Фейербахъ *жилъ* въ своей философіи, отсюда ея взволнованность, непоследовательность и постоянная, неутомимая его склонность развивать, передѣлывать и измѣнять свою систему. Въ этомъ смыслѣ въ ней есть нѣчто ницшеанское. Разъ философія дѣйствительно становится дѣломъ жизни, то это необходимо отражается и на ея темахъ, на основныхъ ея проблемахъ. Отступаютъ на задній планъ—не будемъ отрицать, иногда и въ ущербъ точности и ясности мышленія—проблемы характера школьного, пропедевтическаго, техническаго (у Фейербаха, напримѣръ, совсѣмъ отсутствуютъ — *horribile dictu* — специальные трактаты по теоріи познанія, когда же онъ касается этихъ вопросовъ, то впадаетъ въ безпомощный ребяческій сенсуализмъ, совершенно доступный для опроверженія со стороны средняго студента философіи). Зато все вниманіе его поглощаютъ жизненные задачи философіи, вопросы объ абсолютныхъ цѣнностяхъ или о смыслѣ человеческой жизни, т.-е. вопросы *религиозные*. Религиозный интересъ у Фейербаха всю жизнь оставался господствующимъ, такъ что къ нему вполне примѣнима характеристика одного изъ героев Достоевскаго: „меня всю жизнь Богъ мучилъ“, и, несмотря на весь Фейербаховскій атеизмъ, его по справедливости слѣдуетъ называть атеистическимъ богословомъ. Онъ самъ говоритъ о себѣ въ лекціяхъ о религіи, читанныхъ имъ уже на склонѣ жизни въ единственное почти его публичное выступленіе передъ аудиторіей: „Несмотря на различіе темъ моихъ сочиненій, всѣ они имѣютъ, строго говоря, только одну цѣль, одну волю и мысль, одну тему. Именно эта тема есть религія и теологія и все, что связано съ ними... Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ я никогда не упускалъ

изъ вниманія отношенія къ религіи и теологіи и всегда занимался этимъ главнымъ предметомъ моей мысли и жизни, хотя, конечно, и различно въ соотвѣтствіи съ различіемъ лѣтъ“¹⁾.

И достаточно бѣлаго знакомства съ его сочиненіями, чтобы убѣдиться въ справедливости этой характеристики, Онъ выступилъ впервые въ литературѣ съ „Мыслями о смерти и безсмертіи“; основное его сочиненіе, представляющее собой одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и характернѣйшихъ памятниковъ мысли XIX вѣка и принадлежащее, въ извѣстномъ смыслѣ, къ числу роковыхъ его книгъ, есть „Сущность христіанства“, къ которому онъ написалъ еще цѣлый томъ дополненій и объясненій. Далѣе слѣдовали: „Сущность религіи“, „Лекціи о религіи“, „Теогонія“ и многіе мелкіе этюды критическіе, полемическіе, даже стихи (двустихія). И эта напряженность религіозныхъ исканій, атеистическая страсть, которой одержимъ былъ Фейербахъ, постоянныя усилія богословства, не могущаго успокоиться и окончательно побѣдить „мучащаго“ Бога,— словомъ, это отсутствіе религіознаго индифферентизма, столь обычнаго въ наше время, дѣлаетъ Фейербаха весьма своеобразнымъ и значительнымъ явленіемъ религіозной жизни XIX вѣка. И всѣ эти черты, которыя отчуждаютъ его отъ теперешнихъ соотечественниковъ, страннымъ образомъ приближаютъ его къ намъ, къ нашимъ теперешнимъ исканіямъ. Намъ не претитъ его нестрогость въ школьномъ смыслѣ слова, ибо не намъ на нее претендовать, но зато какъ дорога и понятна намъ эта религіозная распыленность, сосредоточенная замкнутость его мысли, его религіозный, хотя и атеистическій, энтузіазмъ. Штирнеръ иронически обозвалъ Фейербаха „благочестивымъ атеистомъ“ (frommer Atheist), и на самомъ дѣлѣ Фейербахъ благочестивъ въ своемъ атеизмѣ, хотя въ то же время въ немъ было какое-то непримиримое упрямство (составляющее,

¹⁾ Vorlesungen über das Wesen der Religion, составляющія 8-й томъ стараго, издавнаго еще самимъ авторомъ, собранія сочиненій, стр. 6—7.

на нашъ взглядъ, самую характерную черту въ его лицѣ на портретѣ), какое-то тяжелое однодумство, которое отвращало его сердце отъ Бога и дѣлало его воплощеннымъ противорѣчiemъ, — „благочестивымъ“ богоборцемъ. Но въ искреннемъ и тяжеломъ, мучительномъ богоборчествѣ, можетъ - быть, и впрямь заключается особый (хотя и, такъ сказать, предварительный) типъ благочестія. Неужели же Фейербахъ, Ницше, даже Штирнеръ (у насъ теперь Шестовъ), какъ коршуны сами поѣдающіе свою печень, столь чуждые и далекіе отъ уравновѣшеннаго и успокоеннаго, „трезваго“ индиферентизма позитивистовъ, и впрямь не найдутъ для себя мѣста въ одной изъ многихъ обителей, уготованныхъ намъ, и не вложатъ, наконецъ, свои пытующіе персты невѣрующаго Оомы въ язвы гвоздяныя? Неужели не вознаграждены будутъ эти искреннія религіозныя страданія!?

II.

Но если Фейербахъ столь близокъ намъ своей десницей, которой мы считаемъ чуждое религіознаго индиферентизма направление его мысли, то не менѣе современное, жизненное значеніе пріобрѣтаетъ онъ и благодаря своей пугицѣ, которой мы считаемъ положительное содержаніе его ученія, его атеистическую догматику, вообще его религіозно-философскую доктрину. Эта доктрина живетъ и по настоящее время, и прежде всего въ массахъ, исповѣдующихъ ученіе Маркса и Энгельса, мбо въ религіозно-философскомъ отношеніи оба они являются учениками Фейербаха и притомъ и оригинальными учениками, съ своей стороны только изсушившими доктрину учителя. Для знакомыхъ съ генезисомъ марксизма извѣстно, какое огроинное вліяніе имѣли здѣсь идеи Фейербаха. Впрочемъ, объ этомъ рассказываетъ самъ Энгельсъ въ своей брошюрѣ, хотя и совершенно лишенной какого бы то ни было философскаго значенія, но представляющей большой интересъ истори-

ческий, — „Л. Фейербахъ и исходъ классической философіи“. Здѣсь мы читаемъ слѣдующее: „...тогда появилось „Wesen des Christenthums“ Фейербаха. Однимъ ударомъ она уничтожила противорѣчіе, возведя безъ обвиняковъ снова на тронъ матеріализмъ. Природа существуетъ независимо отъ всякой философіи; она есть основа, на которой мы выросли; мы, люди, сами продуктъ природы; внѣ натуры и человѣка не существуетъ ничего, и высшія существа, которыя создала наша религіозная философія, суть только фантастическія отраженія нашего собственнаго существа. Чары были разрушены, „система“ лопнула и отброшена въ сторону, противорѣчіе устранено, хотя оно имѣлось только въ воображеніи. Нужно было пережить на себѣ освободительное вліяніе этой книги, чтобы составить себѣ о немъ представленіе. Воодушевленіе было общее: мы всѣ моментально стали фейербахіанцами“ ¹⁾.

Раннія сочиненія Маркса, относящіяся къ 40-мъ годамъ и переизданныя теперь Мерингомъ, отражаютъ это увлеченіе Фейербахомъ (Heilige Familie, Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie, отчасти Zur Judenfrage, у Энгельса — Die Lage Englands). Позднѣе Марксъ и Энгельсъ отступили отъ ортодоксальнаго фейербахіанства, но Энгельсъ, несомнѣнно, страшно преувеличиваетъ степень этого разногласія. Матеріалистическое пониманіе исторіи и ученіе о классовой борьбѣ явились только восполненіемъ и, такъ сказать, конкретизированіемъ общей формулы Фейербаха, но ни въ какой степени не затронули ея сущность. Въ отношеніи общеполитическихъ идей Марксъ не дѣлалъ ни малѣйшаго шага впередъ противъ Фейербаха, и ученіе послѣдняго было той почвой, на которой выросъ марксизмъ, и по сіе время остается его дѣйствительнымъ общеполитическимъ фундаментомъ.

¹⁾ *F. Engels*. L. Fenerbach und der Ausgang der klassischen Philosophie, 10—11. (Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти строки, вышло уже нѣсколько русскихъ переводовъ этой брошюры.) Ср. аналогичный разсказъ Герцена о впечатлѣніи, произведенномъ на него чтеніемъ „Wesen des Christenthums“, („Былое и думы“).

Атеистическій гуманизмъ Фейербаха составляетъ душу марксистскаго социализма ¹⁾ и существененъ для него въ гораздо большей степени, нежели политико-экономическая доктрина самого Маркса, которая можетъ быть совмѣстима съ принципиально противоположнымъ общимъ міросозерцаніемъ. Имѣя въ виду эту сторону, философскую генерацию идей, мы смѣло можемъ выставить парадоксальное на первый взглядъ положеніе, что Фейербахъ въ гораздо большей степени является духовнымъ отцомъ марксизма, нежели самъ Марксъ, который далъ только плоть для идей Фейербаха, и, если углубить теперешній социаль-демократизмъ до его общеполитическихъ основаній, то въ фундаментъ его окажутся идеи Фейербаха. Эта связь идей, которая, быть-можетъ, нѣсколько выяснится далѣе, очень слабо сознается или совсѣмъ даже не сознается участниками современнаго социаль-демократическаго движенія вслѣдствіе общаго его философскаго оскудѣнія, которое тѣмъ увеличивается, чѣмъ далѣе мы отходимъ отъ философскаго первоисточника. Во всякомъ случаѣ, если хотятъ подвергнуть критикѣ существо марксизма, то нужно считаться не съ социалистическими идеями (которыя вовсе не характерны для марксизма, какъ таковаго, ибо могутъ соединяться и съ противоположнымъ теоретическимъ міровоззрѣніемъ) и даже не съ „экономическимъ матеріализмомъ“, представляющимъ лишь уродливую надстройку надъ зданіемъ Фейербаха, но съ религіозно-философскимъ ученіемъ этого послѣдняго. Здѣсь религіозно-метафизическій центръ

¹⁾ Справедливо замѣчаетъ Масарикъ: „Революціонная движущая сила для Маркса и у Маркса не естествознаніе, а атеизмъ“ („Философскія и социологическія основанія марксизма“, пер. П. Николаева, стр. 423). Въ другомъ мѣстѣ Масарикъ справедливо указываетъ, что „Марксъ (и Энгельсъ) исходятъ отъ Фейербаха и влияніе Фейербаха на Маркса было очень значительно, гораздо значительнѣе, чѣмъ обыкновенно полагали. Кто понялъ эти немногія страницы о Фейербахѣ (эти страницы содержатъ изложеніе его ученія), тотъ больше пойметъ марксизмъ, чѣмъ при иперевареніи прочтенія первой части *Капитала*“. Я готовъ еще усилить это сужденіе: даже переваренное чтеніе всѣхъ трехъ томовъ „Капитала“ не даетъ такого понятія объ основномъ духѣ — spiritus rector — марксизма, какъ знакомство съ Фейербахомъ.

марксизма или вообще матеріалистическаго, атеистическаго социализма, въ цѣляхъ религіозно-философской критики слѣдуетъ понять марксизмъ именно какъ фейербахіанство.

Но Фейербахъ живетъ не только въ марксизмѣ, ибо фейербахіанство гораздо шире марксизма, послѣдній есть только частный случай перваго и подобныхъ частныхъ случаевъ можетъ быть нѣсколько; несомнѣнно, марксизмомъ не ограничивается сфера непосредственнаго или косвеннаго вліянія Фейербаха. Оно сказывается во всемъ новѣйшемъ антирелигіозно-гуманитарномъ движеніи, во всемъ атеистическомъ гуманизмѣ, атеистической религіи человѣчества, которая новое время характеризуетъ. Здѣсь его вліяніе сталкивается и сливается съ однозначущимъ вліяніемъ Конта, тоже проповѣдника религіи человѣчества.

Поразительно это совпаденіе основныхъ идей и одновременное выступленіе двухъ сродныхъ мыслителей, чуждыхъ по крови, по языку, едва ли знавшихъ и слышавшихъ другъ о другѣ, но связанныхъ реальнымъ единствомъ общеевропейской цивилизаціи и духа времени. Въ то время, какъ брукбергскій отшельникъ вынашивалъ въ баварской деревнѣ свои ученія о религіи человѣчества, другой отшельникъ въ Парижѣ создавалъ свою до поразительности, до загадочности близкую доктрину социальной политики, основанную на той же религіи человѣчества. Обоихъ мыслителей раздѣляетъ вся разница, какая только существуетъ между культурами и характеромъ породившихъ ихъ странъ. Одинъ, представитель точныхъ наукъ, съ презрѣніемъ къ спекулятивной философіи и съ весьма слабымъ знакомствомъ съ ней, послѣ научныхъ изысканій пришелъ къ своимъ заключительнымъ идеямъ, которымъ придавъ догматически-топорную форму какого-то папизма безъ папы. Другой вышелъ отъ Гегеля, изъ нѣдръ абсолютнаго нѣмецкаго идеализма, сынъ рефлексіи и абстракціи, противорѣчившій себѣ въ запутанномъ ходѣ своихъ мыслей и до конца сохранившій неизгладимую печать гегельянства,